ПОЭТОГРАД

№ 20 (172)
Май
2015

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Конкурс

«Лапа Азора»

Поэзия

Людмилы Колодяжной

Выдающийся поэт России

Михаил Лермонтов

Поэзия

Мурадина Ольмезова

в переводах

Георгия Ярополъского

и Леры Мурашовой

Журнал

«Дети Ра»

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ВИЗИОНЕРСТВО МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

Я думаю, что Лермонтов верил в такую слиянность двух душ, что они могут за тысячи километров чувствовать, что происходит с другим человеком. Весть-марафонец еще не пришла, а тонко чувствующий человек уже в курсе этой новости. Он даже не предвидит ее, он — ЗНАЕТ. У Лермонтова было, по-видимому, очень легкое отношение к смерти, свойственное глубоким и пытливым натурам. Вспомним, как весело он стрелял в воздух на своих дуэлях. По-видимому, такая душевная дальнозоркость и пренебрежение к смерти пришли к поэту не сразу, а по мере быстрого взросления. Дети, рано оставшиеся без родителей, как-то необыкновенно быстро взрослеют. Раньше они могли «отдохнуть» за широкими спинами своих родителей, закрыться от тревог, побыть до полного взросления ведомыми. А теперь ушла последняя кровная защита (другие родственники — не в счет!), и они остались голыми и одинокими перед могущественными происками природы. В Лермонтове была какая-то безудержность глубокой мысли — и он, безусловно, ИГРАЛ своей жизнью в русскую рулетку случая.

Та, которая увидела его мертвым в своем сне, не ужаснулась и не упала в обморок, как это делали тогда женщины. Ничего об этом в стихотворении «Сон» не говорится. Думаю, Лермонтова часто посещали мысли о тождестве сна и смерти. Наверное, эта женщина, которая увидела его во сне, была бы ему хорошей парой. Она хорошо чувствовала его своей душой. Лермонтов, видимо, полагал, что смерть — это одна из разновидностей сна. Так зачем же бояться ее человеку? Одна из нашумевших пьес испанского драматурга Кальдерона называлась «Жизнь есть сон». Лермонтов был близок к тому, чтобы объявить сон связующей нитью между жизнью и смертью.

В отличие от своего великого современника Пушкина, «певца империи и свободы», Михаил Лермонтов, на мой взгляд — чистой воды романтик. И это не удивительно, романтизм в начале XIX века доминирует в Европе. Новалис, Шатобриан, Гофман, Гельдерлин, Гейне, Лермонтов — имя русского поэта будет совсем не чужеродным в этом списке. Но, вместе с тем, Лермонтов — еще и визионер, и это качество роднит его с такими поэтами, как Эдгар По и Жерар де Нерваль. Безусловно, «Сон» — не единственное сбывшееся предсказание поэта. Еще в 1830 году Лермонтов написал стихотворение «Предсказание» («Настанет год, / России черный год, / Когда царей корона упадет...»). Мне сегодня кажется, что и стихотворение «Смерть поэта» — тоже своего рода пророчество — о собственной судьбе Лермонтова. Царское государство травило его намного серьезнее, нежели Пушкина!

Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?

Что же касается стихотворения «Сон», его и сегодня, спусти без малого два столетия, невозможно читать без внутреннего содрогания. Поэт,

еще живой, описывает от первого лица свою гибель, которую он представляет как погружение в сон. Сейчас много говорят о том, что на самом деле Лермонтова убил якобы вовсе не Мартынов, а это будто бы была шальная пуля, залетевшая с вражеской стороны. Но какая нам, собственно, разница, господа документалисты? Пуля, убившая Михаила Лермонтова, вылетела из его собственного стихотворения. А вина Мартынова, если она и была, невелика. Не случайно он ведь у нас так и не стал, в контексте метаистории, вторым Дантесом. А больше всего огорчает меня в гибели Лермонтова реакция на нее царя Николая I. Мне очень стыдно за русского царя.

Интересно, успела ли прочесть эти стихи та, о которой пишет в этом стихотворении Лермонтов, что она одна не разделила веселья своих подруг? «Друг друга отражают зеркала» — так можно словами Георгия Иванова охарактеризовать сон во сне из одноименного стихотворения Михаила Лермонтова. Но больше всего поражает в стихотворении «Сон» отсутствие ощущения реальности происходящего, как высшая реальность.

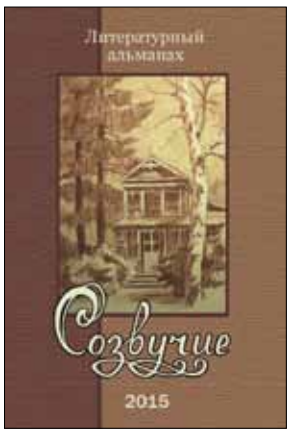
Окончание на стр. 2

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Светлана Тимакова
«Синица»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015



Литературный альманах
«Созвучие»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Эдуард Просецкий
«Под знаком Алоиза»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

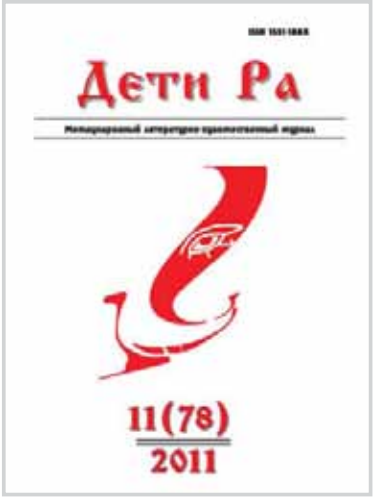
Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».



ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ВИЗИОНЕРСТВО МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА

Окончание. Начало на стр. 1

Будто бы то, что происходит на странице стихотворения, давным-давно уже записано на скрижалях вечности. Несомненно, Лермонтов был фаталист, и не случайно одна из глав «Героя нашего времени» носит именно такое название. Несомненно также и то, что большинство произведений Лермонтова имеют ярко выраженный автобиографический характер. Мне кажется, фатализм Лермонтова к концу жизни обрел очертания равновесия между жизнью и смертью; такое ощущение, что он уже смотрел на свою судьбу откуда-то сверху, «как души смотрят с высоты на ими брошенное тело» (Тютчев). Невыдуманностью картины своей смерти поэт как будто прощается с ранним романтизмом своего творчества. Но нет! Стихотворение «Сон» — это тоже своего рода романтизм, только, наверное, это уже «черный романтизм», который в Лермонтове опередил своего родоначальника Густава Майринка на целое столетие! Можно, и не без оснований, рассматривать «Сон» и как предтечу русской метаметафоры второй половины XX века. А вот еще один пример «двойного»

зрения Лермонтова — с земли на небо и с неба на землю. «В небесах торжественно и чудно!/ Спит земля в сияньи голубом…/» Несомненно, здесь тоже мы видим зачатки метаметафоризма, именно так, как его трактует Константин Кедров.

Это только мое личное мнение, но я убежден, что в последние годы поэт фактически уже ничем не был привязан к жизни и часто этой жизнью весело рисковал. Родителей он потерял в детстве, любимая женщина была насильно, помимо своей воли, отдана замуж за другого. Именно она, Варвара Лопухина (Бахметева), и была, скорее всего — нет, не адресатом «Сна», а его непосредственной участницей. Ибо что такое любовь как не взаимопроникновение душ? В стихотворении «Сон» любви как таковой нет, есть только странная взаимосвязь мужчины и женщины, которые чувствуют друг друга на расстоянии. Кроются ли за этим бессмертные чувства? Или это уже воспоминание, сила которого способна «перебить» даже суровую реальность повседневности? Мы этого уже никогда не узнаем. В стихотворении великого поэта правды ровно столько, сколько мы хотим услышать. К детской и юношеской недолюбленности поэта как человека постоянно примешивалась прижизненная недооцененность богатства его духовного мира, в том числе и женщинами, которых он любил. Одинокий поэт был вынужден носить маску, чтобы не показывать свои душевные раны. Поэтому, в сущности, «Маскарад» — драма всей его жизни. Весь пресловутый «демонизм» Лермонтова — не более чем обреченная покинутость большого ребенка. Он знал такие бездны одиночества, что мог смело живописать их от имени своего Демона.

Много спорят о том, стал ли бы Лермонтов по масштабу вторым Пушкиным, если бы ему посчастливилось задержаться на белом свете чуть подольше. Честно? Не знаю. Зато я убежден: поэзия невольно оттеснила на второй план в жизни Лермонтова живопись. Возможно, как художник, в узком смысле слова, он ничуть не уступал по масштабу таланта писателю. Вообще, конечно, великого человека творит, прежде всего, глубина мысли и разнообразие дарований. Лермонтов «приглушил» в себе художника, иначе, возможно, мы бы увидели в его лице русского Уильяма Блейка, одинаково великого как в поэзии, так и в живописи. Предпосылки для этого были, и немалые.

Лермонтов не только нарисовал картину собственной гибели в стихотворении «Сон», но и примерно в то же время написал свое духовное завещание — стихотворение «Выхожу один я на дорогу». Значит, и в самом деле поэт был уверен, что жизнь его не окажется длинной. Талант Михаила Юрьевича Лермонтова был так велик, что благодарные потомки давно простили ему некоторые неприятные для окружающих особенности характера. А Владимир Ленин, который, собственно, и реализовал лермонтовское пророчество о падении царизма, даже поставил поэта выше Пушкина.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом…
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

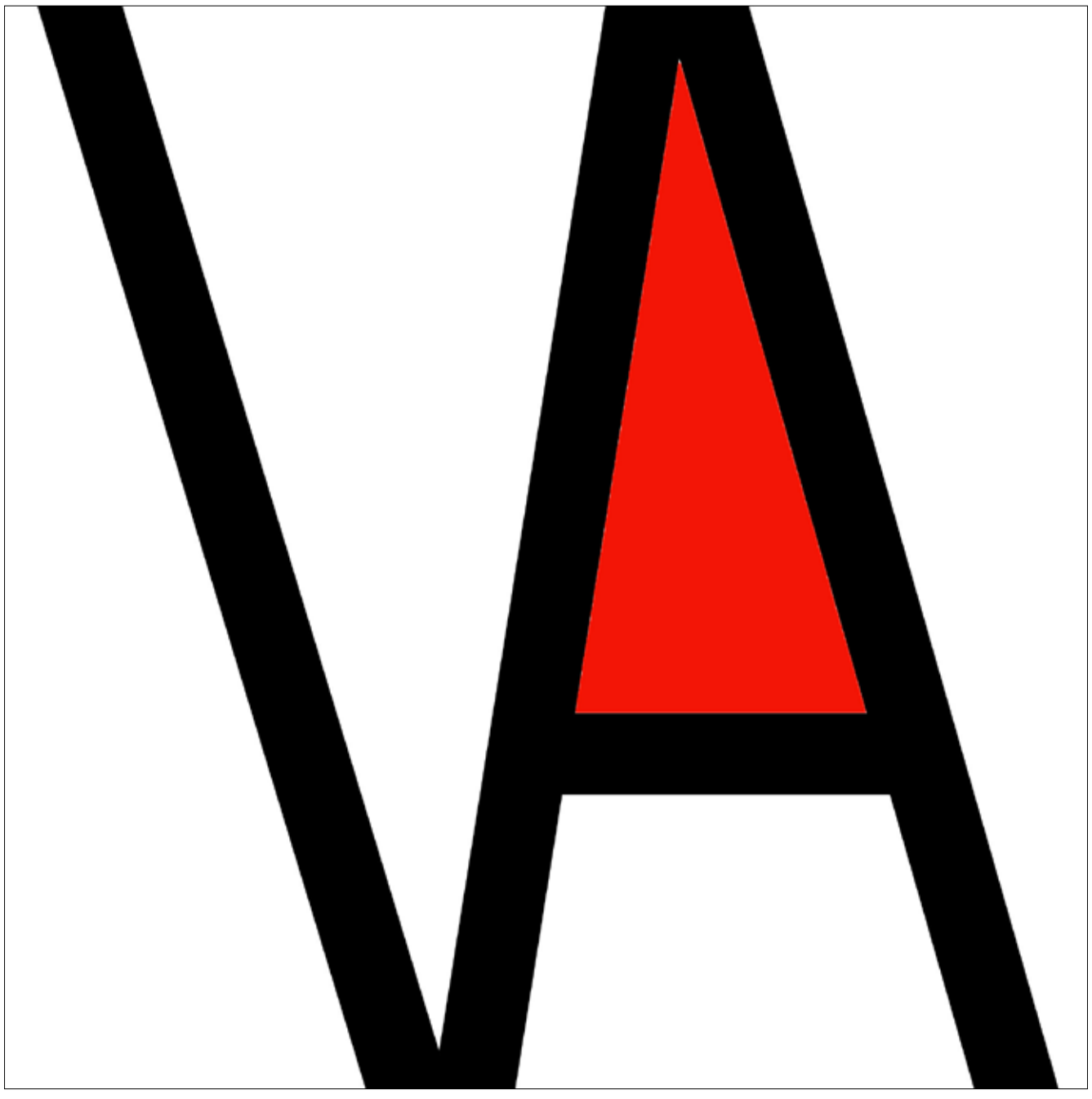
Но не тем холодным сном могилы…
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

Поразительно! Поэт, слывший великим честолюбцем, не захотел себе никаких других памятников, кроме вечной жизни полусна-полуяви. Если мы не находим в анналах русский поэзии аналога духовным исканиям поэта — значит, перед нами действительно герой-одиночка, выдающаяся личность, которой в нашем искусстве до него еще не было.

Александр КАРПЕНКО

КОНКУРС



ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ КОНКУРС ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО АВАНГАРДА «ЛАПА АЗОРА»

В рамках Года литературы Российская государственная библиотека для молодежи и Оргкомитет фестиваля «Лапа Азора» при поддержке Международной Академии Зауми, Союза писателей XXI века, Союза писателей России, Русского ПЕН-Клуба проводит Первый всероссийский молодежный конкурс литературного и художественного авангарда «Лапа Азора», в котором могут принять участие молодые люди не старше 35 лет.

Конкурс проводится в четырех номинациях:

«РОКУ УКОР»: Комбинаторная поэзия, или Поэзия формальных ограничений — литературные произведения, созданные на основе формального комбинирования тех или иных элементов текста (палиндром, анаграмма, тавтограмма, омограмма, листовертень и пр.);

«БОБЭОБИ»: Звучарная поэзия (Sound Poetry, Slam-Poetry, Poesie Sonore, Lautpoesie, Noise Poetry, Electronic Voice Phenomenon, Sample Poetry, Text-Sound-Composition), заумная поэзия (фонетическая заумь);

«ТЕНЬ ЗВУКА»: Визуальная поэзия, графическая;

«АРТСФЕРА»: Мультимедийная (поэтический видеоперформанс, видеоарт, кибер-поэзия).

Конкурсные работы принимаются до 1 сентября на адрес электронной почты: lapaazora@rgub.ru

Награждение и выступление победителей состоится в декабре на Девятом Международном фестивале «Лапа Азора». По итогам конкурса будет выпущена антология лучших текстов и организована выставка визуальных и мультимедийных работ.

Условия конкурса, список Жюри и дополнительную информацию смотрите на сайте: http://lapaazora.rgub.ru

МУРАДИН ОЛЬМЕЗОВ
НА УСТАЛЫХ ДОРОГАХ

* * *

На усталых дорогах —
калеки
в разлуке с мечтами.

На израненных улицах —
оголодавшие дети.

На печальных дворах —
старики
без надежды на помощь.

На сожженных полях —
только женщины,
тоже бесплодны.

Над погасшим огнем —
казаны,
что давно опустели.

Год последний войны —
он грядет
или он уже память?

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

...смерть сильнее стала.
Эрих Фрид

Мы детей не растим —
у деревьев листву отнимаем,
словно крылья у птиц.

И трава, и цветы
погибают от нашего яда —
дыма адовых труб.

Мы не каемся в зле.
Разномастные бомбы сильнее
тех, кто их изобрел.

Правит миром добро?
Нет, вражда, клевета и насилье —
вот наш триумвират.

Чтобы голод унять,
смерть, всего на земле ненасытней,
человечины ждет.

А вот жажда ее
морем крови и слез утолима.
Морем крови и слез!

Мир у края застыл.
Чтобы в бездну столкнуть, не хватает
лишь последней войны.

* * *

Усталый ветер шел который год,
в пыли влачась.
И вдруг впервые понял:
не знает он ни места назначенья,
ни цели,
ни задачи — ничего.
Впервые он задумался о том,
как дерево его воспринимало,
которое простой потехи ради
он вырвал с корнем,
чтоб его птенцы
так и не взмыли к небу и к мечтам.

Уставив воспаленные глаза
себе под ноги,
шел он обреченно,
растерянный,
взлохмаченный,
разбитый,
по-стариковски руки за спиной
скрестив,
как изнуренный жаждой путник,
угрюмо шел он по чужим дорогам.

Шел и мечтал упасть и умереть,
сложить на веки
груз тяжелых крыльев,
когда-то полных мощи и желаний
огромных
героических свершений;

хотел,
чтобы к нему слетелись грифы,
и обглодали тело до костей,
хотя не ведал,
есть ли в теле кости.

Но не было ни грифов,
ни ворон,
ни облачка,
ни тучки в мертвом небе,
а на земле — ни тени,
ни травинки,
ни муравья,
ни блошки,
ни жучка.

Вокруг —
домов бетонные скелеты,
останки заржавелые машин
да хищная
пустая тишина.

В лучах испепеляющего солнца.
земля была простерта,
словно жертва
насилия.
Она была мертва.

ТАВРО

В небе — сонмы звезд,
бесчисленные птицы,
в небе сбывшиеся и несбывшиеся
бессчетные мечты,
облака, наполненные дождинками,
на земле — сколько травинок,
пылинок,
песчинок...

Но их давно пересчитали.

И луну давно взвесили,
измерили вдоль и поперек —
конечно, чтобы продать.

Оказывается, пленка мыльного пузыря
в 5 000 раз тоньше волоска,
в нервной системе человека
более 100 миллиардов нейронов,
а поперечник Вселенной
составляет 156 миллиардов световых лет...

Уже за край Вселенной
заглядывает человек, за край себя.

Все взято на учет:
даже думы, мечты, слезы человека...

Лишь о его глупости я не говорю:
ее измерить пока нет возможности —
да и вряд ли когда-нибудь будет.

Сколько детей умирает за год?
Сколько еще умрет?
И сколько копошатся в помойках?

Вдумайтесь: если за минуту на вооружение
в мире тратится 2 000 000 долларов,
то сколько жизней отнимается у детей?

Измерившие тяжесть дыма,
проникающие в сны птиц,
ответьте:
как измерить боль ребенка?
А горе старой нищенки,
сидящей на голой земле с протянутой сухой рукой?
А горе бездомной собаки,
едва волочащей свою костлявую тень, как измерить?

Мы знаем детскую радость,
она ровна объятьям матери,
охапке радуги над горами
и улыбке солнца и всех цветов на земле.

Ветерок, рожденный на рассвете
от росы и звездного луча,
спрячься, не то и тебя поставят на учет,
затаврят и тебя!

СЛЕЗА

Земля задрожала...
Утес обвалился?!

Земля задрожала...
Обрушились скалы?!

Земля задрожала...
Не гром ли грохочет?!

Нет.
Просто
на землю
упала
слеза.

* * *

Лишь в будущем и настоящем
есть подлинность, а что прошло,
вслед за собою не утащим:
его пушинкой унесло.

Вот, кстати, что вчера-то было?
Не сгинуло ли все во сне?
Под вечер, помню, подарила
цветочница улыбку мне.

Исчезла, что ли, вроде грезы?
Перевернул почти весь дом —
и лишь тогда в бутоне розы
я отыскал ее с трудом.

А что еще? Да все, пожалуй...
Бросаюсь я к календарю:
прощай, вчера, товар лежалый!
Себя дню новому дарю!

Но настоящее несется
в прошедшее — не потому ль
ничем не скованный ход солнца
страшит нас, точно посвист пуль?

Не потому ль Сахара, сочных
растений некогда полна,
по прихоти часов песочных
теперь — песчаная страна?

Лишь в будущем и настоящем
есть подлинность, а что прошло,
то ветром времени гудящим
прочь паутинкою смело.

Но с нами ль нынешнее время,
когда (зови их, не зови)
скрываются его мгновенья —
встревоженные муравьи?

Лишь в будущем — исток восторга!
Все остальное — грезы, бред...
Цари же, будущее! (Только
того, что будет, тоже нет.)

Окончание на стр. 4

Окончание. Начало на стр. 3

МУРАДИН ОЛЬМЕЗОВ
НА УСТАЛЫХ ДОРОГАХ

* * *

Как-то раз
ты явилась ко мне
из цветка,
только зеркала цепкое око
поступило со мною жестоко:
увело тебя прочь,
в свой хрустальный дворец,
где
хрустальные
плещут
фонтаны.

А однажды
пришла ты
из светлой волны,
но зеркальная гладь неуемна —
увела тебя вновь вероломно
от меня в свой полон,
в свой хрустальный дворец,
где
хрустальные
плещут
фонтаны.
Но теперь ты,
наверно,
из солнца придешь,
чтобы зеркало вновь не сумело
совершить свое черное дело —
увести тебя прочь,
в свой хрустальный дворец,
где
хрустальные
плещут
фонтаны.

Да, красавица,
лучше
из солнца приди,
ослепи это зеркало, чтобы
оно треснуло тут же от злобы,
не упрятав тебя
в свой хрустальный дворец,
где
хрустальные
плещут
фонтаны.

* * *

Ожидая тебя, я устал,
истомился смертельно.

Озираясь,
приметил я дерево на берегу:
вижу,
ветер, такой же усталый,
улегся на ветви,
рядом птица присела,
тумана лохмотья повисли.

Голубыми, прозрачными,
перышка легче словами
на бумаге то дерево
бережно запечатлел:
ветерок растворил я
в лучах золотистого света
и, смешав его с собственной речью,
сумел воссоздать
я в тетради его целиком —
перенес все до ветки.

Ожидая тебя, я устал,
ну когда же ты вспомнишь…
Растворив птичьи трели
в зарницах на краешке неба,
подмешал синих слов —
и на дереве выросли листья.
Настоящее дерево машет ветвями с бумаги.

Ожидая тебя, я устал.
Нет мне жизни, родная!

А теперь нарисую дорогу,
дорогу разлуки —
та завистница злая тебя у меня забрала,
уведя за собою
в обманные дальние дали.

Наберу желтых слов
и с курлыканьем грустным смешаю
журавлей,
от родимой земли улетающих прочь.

Ожидая тебя, я устал.
Так убей же надежду!

Нет! Надежда умрет —
и сгорит мое дерево тут же,
не дожив и до осени:
сердце его разорвется.

Лучше слов наберу я крылатых,
с сиянием Божьим
их смешаю —
и трепетный тот ветерок нарисую,
что запутался в прядях твоих
и не хочет наружу.

Ожидая тебя,
я безмерно устал, дорогая.

* * *

Как облако
в дождь превратится,
так дерево станет огнем.
Дождинки
вновь облаком станут,
вот только огонь никогда
зеленую сень
не раскинет…

А в наших
с тобой организмах
воды
девяносто процентов,
и, стало быть,
нам возвращаться
положено снова и снова —
дождем,
облаками ли,
снегом!

СВОБОДА

Войти бы в зеркало, как в сон,
найти бы день вчерашний.
Пускай секунд умолкнет звон,
пусть всходы станут пашней.

К себе ты, детство, призови,
чтоб, одолев природу,
от ненависти и любви
я вновь обрел свободу.

Перевод с балкарского Г. ЯРОПОЛЬСКОГО

* * *

О печали своей рассказал я скале —
снег падал всю ночь напролет, —
и скала прогремела сочувственно мне:
«Не печалься, и это пройдет».

О печали своей рассказал я реке,
что яростно рвется вперед.
Проревела она на своем языке:
«Не печалься, и это пройдет».

В трудный день я к тебе обратился, скорбя,
рассказал, что попал в переплет.
Ты молчала, и я утешал сам себя:
«Не печалься, и это пройдет».

СОН

Антонио Мачадо

За плечами, словно крылья, облака.
Мальчик по небу летает, плоть легка.
А проснувшись, он заплакал о Луне:
— Неужели это все приснилось мне?

Вот уже он и не мальчик, а — джигит,
лунной ночью он любимой говорит
те слова, что слаще трели соловья:
— Уж не сон ли это, милая моя?

Пролетели годы ливнями в горах,
то в работе, то в сраженьях, то в пирах.
Снова губы шепчут в лунной тишине:
— Неужели это все приснилось мне?

* * *

Под ручку с утром проходила мимо,
весенней свежей прелестью дразня.
Я вслед смотрел с тоскою пилигрима —
она и не взглянула меня.

Смотрел я вслед, как первооткрыватель,
хоть знал ее и видел много раз.
Что ж прежде не заметил ты, приятель,
улыбчивых, что ярче солнца, глаз?

Она мне отомстила, и за дело —
за то, что раньше разглядеть не смог…
И сердце, открываясь, заскрипело,
как заржавевший за зиму замок.

* * *

Ты грустишь, что детство не вернется,
а оно, смотри-ка, во всю прыть
скачет там, за речкой, и смеется,
предлагая речку переплыть.

Ты грустишь, что молодость уходит,
но, встречаешь девушку когда,
разве в жилах кровь не колобродит,
несмотря на опыт и года?

Радуйся, мой друг, что, может статься,
удостоимся и мы седин.
Только тот, кто дотянул до старца,
собственным желаньям господин.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Перелетные птицы весну принесли,
я тебе смотрела вслед.
Снова лето настало, цветы расцвели,
а тебя все нет и нет.

Вот и осень, плодами заполнился сад,
а тебя все нет и нет.
Зимний ветер завыл: «Не придет он назад», —
заметая последний след.

Снова вишни цветут, снова птицы поют,
я тебя все жду и жду.
Где, мой милый, себе ты нашел приют?
Не попал бы только в беду.

Я готова терпеть и в жару, и в дождь,
хоть и плачет все время мать.
Ну когда ты, милый, ко мне придешь?
Приходи, я устала ждать.

Перевод с балкарского Л. Мурашовой

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ
ПОСВЯЩЕНИЯ ПОЭТАМ И ПИСАТЕЛЯМ

КАТУЛЛ

«Катулл — это наш Пушкин...»
Александр Блок

Катулл! Печаль твоя, как свет, пробилась
Сквозь козни Хроноса... От смертных стрел
Хранят нас Музы. Выровнен папирус,
Лишь для того, чтоб ты его воспел.

Бежит рассвет. Легко протянет солнце
Ко мне лучи. И пыльный столб застынет.
Я чту тебя, бессмертного веронца,
И медный звук угаснувшей латыни.

Живу, как ты. Как ты, легко ранима
Пророчеством, предсказанной минутой,
Здесь, на окраине Святого Рима,
Во времена, которым имя — смута...

Живу, как ты. Таблички вновь готовы,
Чтобы слова расставить, словно вехи.
Порядок задан строчками элегий,
И лишь по ним — наш облик восстановят.

К КАНТЕМИРУ

«Скучен вам, стихи мои, ящик...»
Антиох Кантемир

Длинны строки с цезурой. Что же, так уж вышло.
Тишина, ты — лучшее из всего, что слышал.

В ночь окно распахнуто. Веют липы сладко.
Нищета. Блаженство. Чувства в беспорядке.

Два назад столетия. Царская эпоха.
В тонкой книжке «Лирика» — вирши Антиоха.

Страшна ль служба царская? Пили, ликовали,
Но стихов при жизни — не публиковали.

Муза лишь — союзницей. В Англии ли лучше?
Длинным строчкам-узницам темный ящик скучен.

Мне — грешно ли сетовать? Все не так уж плохо.
Чрез века беседовать — тихо, с Антиохом...

К ДЕРЖАВИНУ

«А если что и остается
при звуках лиры и трубы,
то вечности жерлом пожрется
и общей не уйдет судьбы...»
Державин

Был смертный час, как буря вслед затишью.
Поэт далек уже житейских странствий.
Но близок мел, доска, ее пространство,
И хватит сил еще на восьмистишье.
Изнемогли уже душа и тело,
Но светлый ум еще не изнемог,
И стало действом стихотворства дело,
Печатью стали восемь кратких строк.
О! Как тесно доски пространство строфам,
Крошится мел о черное стекло.
Но заглянул он в Вечности жерло
И нам явил Божественную пропасть,
Где редких звезд сливается поток
В земную осязаемую млечность.
Он начал жизнь великим словом — Бог,
Ее окончив любопытным — Вечность.

ПОСВЯЩЕНИЕ КОНСТАНТИНУ БАТЮШКОВУ

«Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?..»
Батюшков

Он был лишь пленником свободы —
любовь и близкий круг родни.
Слагал элегии да оды,
переводил стихи Парни.

Но жизнь вдруг оказалась зыбкой,
а был он — в возрасте Христа.
Безумье светлое улыбкой
вдруг стало осенять уста.

И жизни кончилось теченье,
и стала жизнь, как долгий сон...
Мельхиседека изреченье —
последнее, что помнил он.

Он пленник стал иной свободы,
на дню писал с десяток строк —
опять элегии да оды,
которые читал — лишь Бог.

ПОСВЯЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ ГРИБОЕДОВУ

«Кого везут? — Грибоеда»
А. Пушкин. «Путешествие в Арзрум»

Ехал он по дороге в Арзрум,
два вола тащили арбу
по камням, в высоту куда-то,
горизонт предвещал грозу...

А навстречу ему шли солдаты,
а за ними везли в гробу —
Александр еще и не ведал
и спросил — «Кого же везут?»,
и услышал в ответ — «Грибоеда...»

Проплывали Кавказа пейзажи...
Ему вспомнилось почему-то —
год назад, Петербург, у Демута,
как встречались они день каждый.
.
Плыл туман, подступала тьма.
Он подумал — «Какая утрата!»
Ах, какой был блестящий Автор!
Прав он — горе всегда — от ума!..

С ЭПИГРАФОМ ИЗ БАРАТЫНСКОГО

«Болящий дух врачует песнопенье...»
Баратынский

Обрушься, тишина. Умолкни, жизнь.
Пусть в глубине свершится претворенье.
Что я, Господь, лишь бедное творенье,
Лишь выдох Твой, случайность и каприз.

Смирись, душа. Вот — цель, итог, девиз.
Союз двух слов несет успокоенье
И покаянье... Или исполненье
Того, что быть должно. Душа, смирись.

Чтоб музыки медлительный бальзам,
Как близких душ взаимооткровенье,
Вновь исцелил своим прикосновеньем
Болящий дух, открытый небесам.

С ЭПИГРАФОМ ИЗ ПУШКИНА

«Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник...»

Мы странники — оттуда,
из стран, которых нет,
пришельцы, ищем чуда,
во тьме сокрытый свет.

Уходим осторожно
во мглу безумья зим,
где пушкинский треножник
стоит, неколебим.

Там — дом растет без крыши,
но ступишь за порог —
из каждой строгой ниши
неслышно смотрит Бог.

И лист сырой бумажный
плывет издалека,
и вырастает влажно
из-под пера строка.

И слов иголки-спицы
затеряны в стогу,
страница белой птицей
мерцает на снегу.

Колеблется треножник,
но время подойдет —
прохожий осторожно
страницу перечтет.

И вслед пойдет за нами
в страну, которой нет,
где промелькнет меж снами
во тьме сокрытый — свет...

ПОСВЯЩЕНИЕ МИХАИЛУ ЛЕРМОНТОВУ

КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ

«Сквозь туман кремнистый путь блестит...»
Лермонтов, 1841

Дозволь — и мне за горизонт шагнуть,
на миг земные позабыв картины,
чтоб предо мной летел Кремнистый Путь
и облаков мерцающие льдины.
Кремнистый путь — вначале непривычен,
но лермонтовским словом освящен...
Там виден склон крутой горы Масличной
и серебристые склоненья крон.

Идешь, доверясь тонкому лучу,
преломленному сквозь ночную призму,
и «ничего уже не жаль ничуть...»,
оставшейся в дали прошедшей жизни.
Кремнистый путь и пелена тумана,
и Лермонтова слово, как закон,
и путь ведет в просторы Гефсимана,
где — Божий взгляд из глубины икон...

КОГДА ОДИН ВЫХОДИШЬ НА ДОРОГУ

«Выхожу один я на дорогу...»
Лермонтов, 1841

Пустыню дней пройти, быть может, легче,
когда свеча полночная горит,
когда «звезда с звездою говорит»,
когда слова любви друг другу шепчем,

сердца небесным силам отворяя
и луч ловя, бродящий среди штор,
не зная, что наш тихий разговор —
между собою звезды повторяют,

когда в пустыне дней мы Богу внемлем
и слов великих постигаем суть...
Всегда — уходит в даль Кремнистый путь,
мерцаньем звезд окутывая Землю.

Сердца — от дальнего мерцанья вздрогнут,
и дрогнут жизни наши на весах...
Но взгляд уже затерян в небесах,
когда — «один выходишь на дорогу...»

Продолжение на стр. 6

Продолжение. Начало на стр. 5

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ
ПОСВЯЩЕНИЯ ПОЭТАМ И ПИСАТЕЛЯМ

ДОМ ГОГОЛЯ В МОСКВЕ

Суровый ветер плыл Суворовским бульваром.
Мы шли, в тот час об этом забывая...
Мы шли, покорны вешнему угару,
который ладаном, порой, нас обвевает.

Плыл вечер сквозь Никитские Ворота,
на перекрестках светофоры тлели,
указывая — там, за поворотом —
Тверская начинается аллея.

И там — кончался этот день весенний,
полупрозрачный свет в дали качался —
абрисом древней церкви Вознесенья,
в дали той — Пушкин с Натали венчался..

Дом Гоголя в тени арбатской таял...
Мы шли старинною Москвой огромной,
и нам казалось, будто мы листали
листы сожженные Второго тома...

С ЭПИГРАФОМ ИЗ ТЮТЧЕВА

«Мысль изреченная — есть ложь»
«Тютчев

Когда-нибудь не хватит нам свечи,
и тени на стенах сотрутся...
Взойдет луны серебряное блюдце,
чтоб нам продолжить разговор в ночи,

давно когда-то прерванный, ну что ж,
зато сегодня мы с тобой внимаем
друг другу, все же понимая:
«мысль изреченная есть ложь...»

Чему осталось верить на земле?
Светящуюся даль уже скрывают тучи,
в раскрытой книге на портрете — Тютчев
чему-то улыбается во мгле...

С тобой — простор разделим пополам
и выйдем в ночь, в распахнутые двери...
Пусть, ложь изречена... Я все же верю
твоей любви и, может быть, словам...

ПОСВЯЩЕНИЕ МИХАИЛУ БУЛГАКОВУ

«Это знает уставший...»
Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Если ты много страдал перед смертью,
если летел над вечерней землей,

если ты был пригвожден к этой тверди
солнца лучом или звездной иглой,

если в озера твой образ уронит,
встав за плечами, негаснущий свет,

если тебя кто-то дальний наклонит
к горней ладони как ивову ветвь,

если на облаке книгу читаешь,
как откровенья горящий устав —

ты разрываешь звенья и знаешь,
что покидаешь туман сей, устав,

без сожаленья, с отрадою в сердце,
грешных не помня, бросивших ком,

зная, что рай там, за облачной дверцей,
зная, что ночь накрывает платком

жизнь, что казалась вечности равной —
временем названный будней клочок —

но оказалась только лишь раной —
в сердце того, кто любил горячо...

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЛАДИМИРУ НАБОКОВУ

«Колыбель качается над бездной...»
Владимир Набоков, «Другие берега»

В долгой жизни — смертный страх,
может быть, короче мига...
Перечитываю книгу
о далеких берегах.

Автор — странником там стал,
Русский край навек покинул,
как скиталец, как пустынник,
крест нести свой — не устал.

Та же — времени река,
только — «берега другие»,
только — нота ностальгии
стала слишком высока.

Вечно светятся в веках
странников-поэтов лики,
и плывут в бессмертье книги
о далеких берегах.

Он — в плену забытых слов
вспоминал свои истоки,
уплывая в край далекий
Петербургских берегов...

С ЭПИГРАФОМ ИЗ ИВАНА ЕФРЕМОВА

«Эти серебристые колокола звенят долгими нотами особенно чистого тона... И будто я бегу на этот зов...»
Иван Ефремов, «Час быка»

Снова там загорелась мгла,
сумрак тающий стал лучистым,
словно — прошлого колокола
перешли на плач серебристый.

Где ты слышал такой же тон,
ноты долгие, зовы чистые,
день, качнувшийся, как дин-дон —
слух туда, вспоминая, мчится,

пробирается сквозь туман,
кисею над рекою редкую,
пробирается сквозь обман,
свитый ивой, чуть сбитый веткой.

Снова ты сквозь рассвет бежишь,
сбросив жизни прошедшей бремя,
понимая — ведь ты стоишь,
а бежит пред тобою — время...

ПОСВЯЩЕНИЕ АНДРЕЮ ПЛАТОНОВУ

Земля — была ему мала, как дворик
под куполом далекой неба выси...
Он был — поэт, писатель, дворник,
он души очищал и мысли.

Освобождал наш двор от хлама,
от сорняков, растущих годы,
дождем весенним мыл он рамы
в домах, где копятся невзгоды.

Он знал — ему луч Божий светит,
в хитоне он бродил убогом,
Андрей-рыбак, бросал он сети
и уходил — вослед за Богом.

Святые — предков — помнил корни,
певец земли, страны, России...
Он был — поэт, писатель, дворник,
он был судья, он был Мессия...

Окончание на стр. 7

Окончание. Начало на стр. 5-6

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ
ПОСВЯЩЕНИЯ ПОЭТАМ И ПИСАТЕЛЯМ

ПАМЯТИ ИОСИФА БРОДСКОГО

«Светильник светил и тропа расширялась...»
Бродский, «Сретенье», 1972

Слова упали, будто бы с откоса,
Слова пришли из самой темной дали –
Он умер в год, год смертный, високосный,
Одним из первых, да, почти в начале.

Пусть в Рай врата – ему не будут узки,
Пусть путь осеребрит прощальный иней,
Еще один поэт, великий, русский,
Изгоем умирает на чужбине.

Он в той дали, уже от плача синей,
И мне уже не бросить праха горстку...
Не упадет средь Петербургских линий,
В родной земле не сыщется погоста.

Он там уже. Он путь земной осилил.
Жил, как поэт, творя, греша и каясь.
Там – перед ним Единственный Светильник,
Тропа его уходит, расширяясь...

ПАМЯТИ РАЙНЕРА МАРИЯ РИЛЬКЕ

«Я так один. Никто не понимает...»
Райнер Рильке, 1901

Как все... Прошел сквозь смертный страх
и встретил вечности волну.
Он умер? – Нет, скорей уснул –
один, в Швейцарии, в горах.

Поэту кто-то подарил
в горах цветущий клин земли...
Он умер? – Нет, скорей уплыл
к вершинам, что всегда вдали

видны из домика в Мюзо.
Как все – переступил порог...
Он умер? – Нет, пошел на Зов,
туда где ожидает Бог.

Слова его ко мне летят –
с Того, на Этот белый свет...
И предо мной его портрет,
его бездонный светлый взгляд.

Он стал одной из тех вершин,
давно сверкнувших вдалеке.
Он мне сказал: «Я так один...» –
на чистом русском языке.

С ЭПИГРАФОМ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ РАЙНЕРА РИЛЬКЕ

«Но нам остается дерево у обрыва...»
Райнер Рильке, Из первой Дуинской элегии

Ветер, что пел нам, стих.
Холода грань алмазна.
Я поборю мой крик,
Я отрекусь от соблазна

Темных рыданий. Ночь.
Бездна ее несметна.
Кто нам может помочь?
Нет, ни ангел, ни смертный.

С этим, молю, смирись.
Знаю, смириться – жутко.
Как ненадежна жизнь
Наша в мире рассудка,

Где торжествует хам,
Рад добыче счастливой...
Что ж остается нам?
Дерево у обрыва,

Верность корням святым,
Пламя, что возгорится...
Ветер пространств мировых
Нам опаляет лица.

С этим сроднимся огнем,
Плача, но не лукавя.
Птицы властным крылом
Шаг наш к небу – прославят.

УХОД БЛУДНОГО СЫНА

«Уйти ото всего, что окружает
и льнет, и ускользает от тебя...»
Райнер Рильке, «Новые стихотворения»

Уйти... Оставив в тишине покорной
былое, что теперь принадлежа
другим, вернется в хаос черный
петлей судьбы и в будущем держа

тебя, свиваясь жгучим терном,
цепляясь, чтобы ты не мог уйти,
но знал, тропа прочертит мир просторный,
качнувшись – от начального пути...

Уйти... Оставив в памяти прилежной
священный сумрак, стерегущий сад,
уйти, забыть и знать, что есть надежда –
идти вперед, но приходить назад...

Уйти, узнать иных обрядов цену,
стать пленником, как пленник волн Улисс,
и думать, что играешь роль на сцене,
но знать, что видишь зал из-за кулис...

Уйти, чтоб сделать шум чужой привычным,
забыв о тишине, что ждет, свята –
тропой ухода, линией безличной
намечена пред бездною черта,

но косо перечеркнутое детство
сбивает шум поющим голоском,
подходит близко, кажется соседством,
на мертвом поле – вечным колоском...

Уйти, чтобы по той тропе вернуться –
к той тишине, что не сумел забыть,
и не из чаши – как дитя, из блюдца –
по сладким каплям горечь дней допить...

451 ПО ФАРЕНГЕЙТУ... (ПАМЯТИ РЕЯ БРЕДБЕРИ)

Из тающих облачных льдин
последняя выжата влага.
Четыреста пятьдесят один,
жара и горит бумага.

Тетрадь обращается в прах,
жизнь сжата вся на ладони,
от слов тает свет в глазах,
слов, падающих в бездонье.

И мир укрыт тишиной,
безмолвьем, от края – до края.
Неопалимою Купиной
Слово горит, не сгорая.

И все же – по руслам рек,
последние звуки теряя,
какой-нибудь человек
бредет, книги вслух повторяя.

Великим строкам учет
ведя, – ведь жизнь возродится,
и кто-нибудь снова прочтет –
сохраненные им страницы.

Четыреста пятьдесят, жара...
Около 200 по Цельсию.

Бумага сгорает, пора –
по строкам идти, как по лезвию...

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

«Когда погребают эпоху...»
Анна Ахматова

Сквозь лампадные блики
слова в дневнике процвели:
«Еще один умер великий
писатель Русской Земли...»

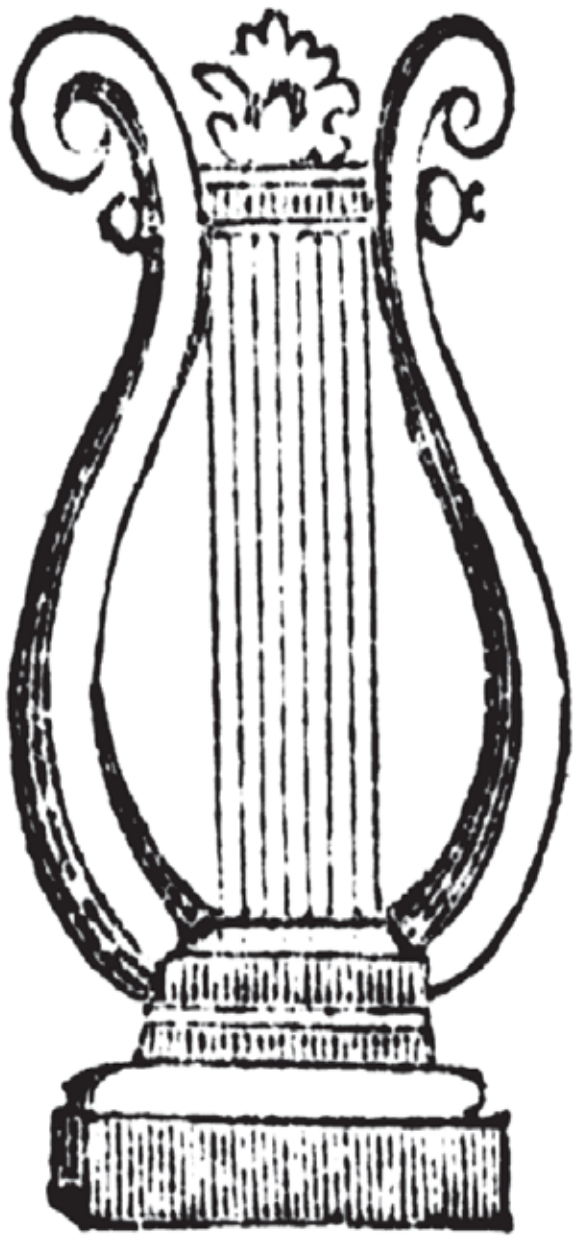
Щедро роняет влагу –
и не стереть с лица –
царственный месяц август,
оплакивая Певца.

Слез своих лепту-кроху –
к природе добавим и мы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

Величие – не измерить,
аршин Ему общий мал,
Пророку можно лишь верить,
словам, что он нам сказал.

Слова его стали святы,
слышны сквозь времени гам –
он был наш первый Вожатый,
проведший по Первым кругам.

Он до последнего вздоха
нас выводил из тьмы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.



РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

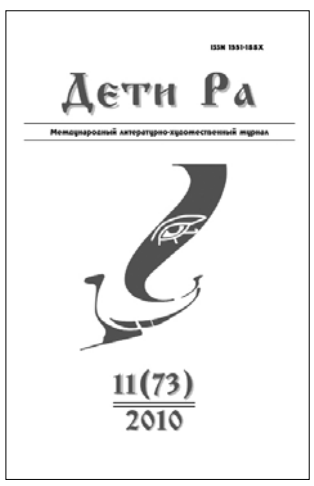
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд